

Линда расходится с Херасковым в описании драматической сцены между Версоной, ее женихом Законестом и Владимиром.

Но кроме картин языческих празднеств очень много общего мы находим у Хераскова и Линды в деталях, использованных ими при изображении язычества. Как и в поэме «Владимир», где злой бог Чернобог играет значительную роль, имя этого бога трижды упоминается и у Линды (с. 31, 89, 150). Здесь неоднократно говорится о могуществе богов, об их гневе и мести. Из родственности сюжетов вытекала необходимость изображения языческих святынь, мест жертвоприношений, алтарей, жертв (у Линды это всегда только животные и их кровь), священного огня и дыма, поднимающегося от жертвы, молитв жрецов и песен под аккомпанемент музыкальных инструментов. Еще более бросается в глаза сходство с поэмой Хераскова в сцене (с. 98—102), где Болеслав встречается со старым языческим жрецом у его пещеры и просит поведать ему волю богов, требующих смерти Вацлава. При создании этой сцены Линда мог опереться на подобные сцены во II, VI и IX песнях поэмы «Владимир» с приводящими в ужас описаниями лесных пещер и бездн.

Картины христианского «света» Линде не удалось изобразить так красочно и впечатляюще, как язычество. Линда сосредоточил свое внимание на характеристике набожного князя Вацлава, на его христианском рвении, мудрости правителя и благородстве. В образе Вацлава перед нами предстает с самого начала и до мученической смерти образцовый тип положительного героя без малейших намеков на внутренние противоречия и сомнения. Этим он резко отличается от Владимира в поэме Хераскова, блужданиям и сомнениям которого гораздо ближе у Линды Болеслав. С Владимиром Вацлава сближает скорее его храбрость в битвах с врагами. Но и здесь чешскому князю помогают небесные силы.

Большинство сцен, в которых участвует Вацлав, происходит на пражском Вышеграде. Именно это название могло быть одним из факторов, привлечших внимание чешского писателя к поэме о русском Владимире. Дело в том, что XI песня этой поэмы начинается стихами: «Уже Российских войск великая громада Как туча двинулась из твердых стен Вышграда» (с. 154). На чешского читателя, особенно в период национального возрождения в начале XIX в., такое подтверждение исторического родства наших народов, естественно, должно было оказать сильное влияние. Неудивительно, что Линда с радостью использовал мотив Вышеграда. Если уже Херасков с любовью описывал красоту пейзажа над Днепром, величие соборов и княжеского двора на киевском Вышграде, то с не меньшим восторгом, поэтической фантазией и лирическим вдохновением изображал Линда древний Вышеград, его величественную архитектуру, панораму Влтавы и ее окрестностей.

Множество общих черт между «Зарей над языческим миром» и «Владимиром» можно отметить и в разработке темы народа, его